

Дни тянулись неспешно, и к концу месяца подоспел ежемесячный экзамен, призванный проверить успехи Цзян Юаньсэ. Одноклассники суетились, освобождая парты, так как из-за нехватки мест в кабинете часть учеников должна была пересест в коридор.

Мо Цянь всегда оказывался в числе тех, кого выставляли в коридор. Там не было кондиционера, при тусклом свете ламп буквы расплывались перед глазами, а донимали комары — нормальный человек ни за что не пожелал бы здесь оказаться. Сюда стремились лишь двоечники, чтобы прогуливать уроки и болтать о пустяках, и Мо Цянь привык молчаливо существовать фоном в этом шуме.

Мо Цянь, как обычно, собрал вещи и вышел. Этот гам был для него своеобразной тишиной: Ши Кайлинь учился плохо и в такие моменты не докучал, а уборка на время экзаменов прекращалась, так что у него появилось свободное время для занятий.

Книги, книги! Только они были его единственной опорой. У него не было ни денег, ни любящих родителей, и единственным способом выжить и остаться человеком для него оставалась учеба.

Устроившись в коридоре, он вдруг обнаружил, что Цзян Юаньсэ тоже здесь. Теплый свет мягко очерчивал его фигуру, делая похожим на сияющего героя подростковой драмы, в отличие от самого Мо Цяня, чувствовавшего себя темной, загнанной в угол крысой. Мо Цянь опустил ресницы.

Цзян Юаньсэ, опасаясь, что его читерство не сработает, заранее готовил почву для своих провальных результатов.

— Учусь снаружи, такая жара, — он посмотрел на свои руки, покрытые испариной. — Превратился в ходячий донорский пакет для комаров. — Он небрежно смахнул кровопийцу с руки. — Да еще и шум такой, что голова кругом.

Рядом уже вовсю гремели, готовясь к прогулу, но, увидев Мо Цяня, он не удивился: в таком неудачном месте встретить его было неудивительно.

Подошел Чэнь Тинчжоу и начал в отчаянии чесать голову. Скрежет ногтей по коже действовал Цзян Юаньсэ на нервы, и он отвесил приятелю пинок, отчего тот растянулся на полу.

— За что? — обиженно пробормотал Чэнь Тинчжоу.

Цзян Юаньсэ посмотрел на него рыбьими глазами:

— От тебя шуму, как от пса, роющего землю.

Мо Цянь не сдержался и тихо хмыкнул. Он вспомнил, как мама когда-то давно, когда он был еще озорным ребенком, говорила ему то же самое. Оказывается, с тех пор прошло целая

вечность.

Двое парней посмотрели на него. Вечно угрюмые черты лица Мо Цяня разгладились, губы, нежно-розовые, как лепестки сакуры, слегка дрогнули. После короткого обмена взглядами Цзян Юаньсэ предложил:

— Мо Цянь, не мог бы ты помочь Чэнь Тинчжоу разобрать основные темы?

Он не мог позволить своей тайне раскрыться, поэтому решил использовать Чэнь Тинчжоу как предлог.

— Я? — Мо Цянь перестал улыбаться. Он внимательно взгляделся в лицо Цзян Юаньсэ и, встретившись с ним взглядом, утонул в по-настоящему спокойных глазах. В них не было ни насмешки, ни жалости — лишь ровное, безмятежное спокойствие.

— Спасибо вам.

В этот раз улыбка была искренней. Цзян Юаньсэ растерялся: почему просьба помочь с учебой вызвала слова благодарности? Но Мо Цянь уже открыл учебник и начал объяснять.

— Прежде всего нужно внимательно прочитать требования задачи и определить, какие знания применимы в данных условиях, — Мо Цянь указал на двадцать шестой вопрос в пробном варианте. — Это геометрическая задача, она подсказывает нам, что можно использовать комбинацию плоскостных и объемных методов для решения.

Цзян Юаньсэ слушал с огромным интересом. Навык удвоенного обучения помог ему быстро уловить суть того, что пытался донести Мо Цянь. Чэнь Тинчжоу остался далеко позади, окончательно запутавшись, а они вдвоем продолжали диалог: Мо Цянь приводил примеры, а Цзян Юаньсэ тут же предлагал варианты их развития.

Столь гладкий процесс обучения заставил Мо Цяня задуматься. Он привык относиться к учебе как к единственному доступному пути, с максимально утилитарной точки зрения. Его отец не мог ворваться в школу и помешать ему, а хорошие оценки давали шанс на льготы и возможность заработать на жизнь в будущем.

У него не было высоких стремлений, он просто хотел выжить.

Мо Цянь никогда прежде не подходил к учебе с такой искренней увлеченностью. Подобное исследование духовного мира было для него чем-то новым. Даже если сейчас ему нужно было совсем другое, он был благодарен за это общение с Цзян Юаньсэ. Его глаза светились все большей нежностью.

Знойная летняя ночь, тусклый свет, назойливые комары — все оставалось прежним, но в

сердцах двух юношей, обсуждающих уроки, зародилось какое-то совершенно иное чувство.

<http://bllate.org/book/21520/2208111>